

Русский православный писатель и публицист Леонид Бородин в своих воспоминаниях «Без выбора» писал: «Слово "смута", строго говоря, политическим термином не является, но в том и видится его преимущество перед прочими политическими характеристиками эпохи, что оно схватывает самую суть случившегося: утрату или растрату народом высшего, надличностного смысла бытия...»¹.

Традиционно «Смутным временем» мы называем время начала XVII века, окончившееся 1613 годом — годом восхождения на престол династии Романовых. «Смутным временем»² назвал митр. Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычѳв) советский период русской истории. «Смутным временем» называют и эпоху, начавшуюся в годы Перестройки и бурно продолжившуюся после развала Советского Союза, к сожалению, не закончившуюся еще и по сей день.

Осмысление происходившего и происходящего, вскрытие истинных причин случившегося, свершающегося и могущего быть в будущем — это задача историософии. Историософия — это анализ, выводы и прогнозы, которые делаются на основе определенных концепций смысла истории. Наиболее распространены формационный (Маркс, Энгельс, Ленин) и цивилизационный (Данилевский, Шпенглер, Тойнби и др.) подходы в историсофии. Но методы этих подходов ограничены, т. к. смысл истории отыскивается внутри самой истории. При таких условиях ответы всегда будут неполными.

¹ Бородин Л. Без выбора. Автобиографическое повествование. М.: , 2003. С. 383.

² См Иоанн (Снычѳв), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Русская симфония. СПб., 1998.

Смысл истории должен быть найден не внутри, а вне истории. Такой подход разрабатывает религиозная историософия. В русской мысли православными историософами были К. Н. Леонтьев, Л. Тихомиров, В. С. Соловьёв (в заключительный период жизни и творчества), архим. Константин Зайцев, А. В. Карташов, митр. Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычѳв). Из современных мыслителей можно назвать А. Панарина, А. Солженицына, В. Тростникова и др.

Осмысление исторических событий требует времени. Поэтому события и их осмысление, как правило, разделены десятилетиями и столетиями. Современность и близкое прошлое чаще всего «отданы на откуп» злободневной публицистике, которой не хватает трезвомыслия и духовной зоркости. Но в русской традиции главными мыслителями были русские поэты, которые всецело принимали и осознали пушкинский завет быть поэтом-пророком, исполнившимся волей Божьей. «Смута» постсоветского периода была осмыслена прежде всего русской поэзией и продолжает осмысляться. Можно было бы уже составить огромный сборник стихотворений, под названием «Строфы «смутного времени»» с подзаголовком «Поэтическая историософия постсоветской эпохи». В этой книге были бы имена и уже ушедших поэтов Николая Тряпкина, Владимира Соколова, Юрия Кузнецова, Татьяны Глушковой, Анатолия Соколова, Сергея Васильева, и ныне живущих Глеба Горбовского, Юнны Мориц, Юрия Кублановского, Олеси Николаевой, Геннадия Красникова, Владимира Берязева, Станислава Минакова, Ирины Евсы, Юрия Кабанкова и многих других. Но пока такого сборника нет. Это дело будущего. Мы же пока коснемся творчества небольшого числа поэтов, чьи произведения стали бы страницами такой книги.

Петербургский поэт Глеб Горбовский, «патриарх» русской поэзии, наделен зрением пророка-поэта. Ему дана поэтическая способность различать духов. Прокомментировав события августа 1991 года шуточной частушкой «Что за странная страна,/ Не поймѳшь — какая?/ Выпил — власть была одна./ Закусил — другая»³, поэт увидел в происходящем не пришествие свободы, а событие иного рода:

³ Горбовский Г. Распутица. СПб., 2008. С. 86

Народ — суров, толпа — спесива...
На площадях вершится труд!
Увы, ни лысый и ни сивый
нас от беды не уведут...

Кумир ли, вождь — исчадье прессы.
Им — возмущать, нам — изнывать...
...Всё это бесы, бесы, бесы! —
на них ли сердцу уповать⁴!?

Снова бесы, одни бесы сменяют других, а «мерзость запустенья на месте святе» продолжается. Образ поруганного храма возникает в стихах Горбовского часто, но внутри зияющей пустоты и черноты все равно остается то, что внушает надежду и спасает от отчаяния. А еще внутри поруганного храма... Россия: «... Снаружи — храм. Хотя и без креста./Внутри — Россия. В ожидании Христа»⁵.

Примечателен этот образ России. Она не храм! (Об этом поэт свидетельствовал еще и в другом стихотворении: «Россия — далеко не храм/и не собор, не кроткая обитель./Она — барак, где вечный тарарам! — и стыд, и срам, разборки в гнусном виде...»⁶). Но она внутри храма, да, поруганного, да, оскверненного, но храма, у невидимого престола которого стоят ангел до скончания времен и сам Христос, ожидающий возвращения блудных детей. В. Бондаренко, размышляя о духовном пути поэта, писал: «Глеб Горбовский приходит к пониманию того, что главная причина народных бед и потерь — в безверии, в потере Христа. Он и себя винит за былую гибельность неверия...»⁷. Поэт с болью возносит свою молитву за Россию, видя, как она погибает в новой смуте:

⁴ Там же. С. 87.

⁵ Там же. С. 261.

⁶ Там же. С. 62

⁷ Бондаренко В. Глеб Горбовский — русский гений. К 85-летию поэта.

http://denlit.ru/index.php?view=articles&articles_id=2024

Во дни печали негасимой,
во дни разбоя и гульбы —
спаси, Господь, мою Россию,
не зачеркни Ея судьбы.

Она оболгана, распята,
разъята... Кружит вороньё.
Она, как мать, не виновата,
Что дети бросили её.

Как церковь в зоне затопленья,
она не тонет — не плывёт —
всё ждёт и ждёт Богоявления.
А волны бьют уже под свод...⁸

Новая Россия 90-х отнюдь не избавилась от бесовской одержимости. Во второй раз свершился великий обман. Вместо свободы для народа обрели свободу власти от народа.

В Кремле, как прежде, Сатана,
в газетах — байки или басни.
Какая страшная страна!
Хотя и нет её прекрасней...

Как чёрный снег, вокруг Кремля
витают господа удачи.
Какая нищая земля!
Хотя и нет её богаче...

Являли ад — сулили рай,
плевались за её порогом...
Как безнадежен этот край!
Хотя — и не оставлен Богом...⁹

⁸ Горбовский Г. Распутица. СПб., 2008. С. 61.

⁹ Там же. С. 63.

Тютчевская поэтическая историософия очень близка сердцу Глеба Горбовского. Можно сказать, что он является ее законным наследником и продолжателем: «Но измождённый, в жалком рубище,/хоть и незримый из-за слёз,/своей всеблагостью свершает труд ещё/нас не покинувший Христос»¹⁰.

Богом не оставлен наш край, но именно поэтому и попущены нам страдания для очищения, искупления грехов. Беды современной России во многом проистекают из-за нераскаянных грехов, и один из главных — грех цареубийства, о котором свидетельствовал митр. Иоанн (Снычёв): «Преступления против государства и государя признаются ... преступлением религиозным, церковным, направленным против промыслительного устройства земли Русской и достойного самых тяжких духовных кар»¹¹. Философ и публицист М. Назаров в книге «Тайна России» писал: «Кому много дано, с того больше и спрашивается. И тут важно не количество грехов, а то, против какой высокой святости православного призвания был нами допущен грех. Российская трагедия XX в. — плата за отход от замысла Божия о нас как об Удерживающем — и должна была проявиться в безудержном разгуле сил зла... падение богоносного русского народа, отказавшегося от царя, Помазанника Божия, обернулось несением ига антихристовой предтечи — богоборческого большевизма... Между этими координатами — нашего великого избранничества и нашего великого греха — лежит историософское осознание нашей национальной катастрофы»¹².

Глеб Горбовский точно так же осознает наше положение и состояние:

Вот мы Романовых убили.
Вот мы крестьян свели с полей.
Как лошадь загнанная, в мыле,
хрипит Россия наших дней.

¹⁰ Там же. С. 213.

¹¹ Иоанн (Снычёв), митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Русская симфония. СПб., 1998. С. 201.

¹² Назаров М. Тайна России. М. 1999. С. 525.

«За что-о?! — несётся крик неистов.
— За что нам выпал жребий сей?»
За то, что в грязь, к ногам марксистов
упал царевич Алексей¹³.

И тут же поэт молитвенно просит Бога о том, о чем сейчас еще просить «и бессмыслица, и грех» (Г. Иванов): «Вновь отпылала заря./Смутному голосу внемлю:/"Боже, верни нам царя,/выручи Русскую землю!"»¹⁴.

Но кровь царя и его семьи, грех цареубийства не только на «красных», но и, в равной степени, на «белых», среди которых монархистов было крайне мало. В основном «белые» были вдохновляемы идеями «февраля», т. е. идеями предателей монархии и царя. Без «февраля» не было бы и «октября»!

Всё началось однажды в феврале.
Предсмертный снег на тротуары падал,
и женщины, бесхлебные, во зле
царю кричали: «Ты — палач и падаль».

А надо было — плакать в феврале
чуть громче и мокрее, чтобы после
не путаться в крови, в дыму, во мгле
и не питаться в масленицу постно...¹⁵

И в том, что свершается в начале 90-х, чему поэт является свидетелем, видится и слышится февральская вьюга 17-го: «И, как в далёком феврале/Семнатцатого, в час расплаты —/молчит над городом Распятый.../Лишь кровь дымится на челе»¹⁶. По прошествии ста лет, к сожалению, точка в гражданской войне не поставлена, и не поставлена она по той причине, что подлинного всенародного

¹³ Горбовский Г. Распутица. СПб., 2008. С. 75.

¹⁴ Там же. С. 76.

¹⁵ Там же. С. 73.

¹⁶ Там же. С. 72.

и государственного покаяния не свершилось. А что касается примирения «белых» и «красных», то Глеб Горбовский в своих стихах дал потрясающий по трагичности и величию образ символа-памятника, который тему примирения, на наш взгляд, исчерпывает до конца:

Когда-нибудь, во времени бесстрастном,
воздвигнут памятник — не белым и не красным,
а просто — гражданам страны,
их крестным мукам,
что воевали, кровные,
друг с другом.

То будет мрамор — не слепой, не плоский,
то будет плоть,
но не Венеры плоть Милосской.
То будет Мать:
фуфайка, плат, кофтёнка,
два бездыханных — на руках — ребёнка¹⁷.

Но памятник такой еще не поставлен. Гражданская смута, а значит и война еще не окончены. Пока мы все еще задаем вопрос: «За что?!»:

Казалось бы, столько терпела,
кровавилась, мыкалась Русь...
За что нам такое? За дело:
за нашу вселенскую грусть...
За голос унылый и пьяный,
за наш «в Богородицу» мат,
за каждый денёк окаянный!..

...А ночьку прошил автомат!¹⁸

¹⁷ Там же. С. 81.

¹⁸ Там же. С. 90.

Кромешная ночь коммунистического безбожия сменилась кромешной ночью либерал-бандитизма. Но не автоматная очередь в ночи, а иное действие является главным в бытии и жизни России. Русь жива молитвами праведников, исповедников и новомучеников. Свет их молитв позволяет нам пережить эту кромешную ночь. Глеб Горбовский пишет удивительное стихотворение, тихое, негромкое и от этого очень пронзительное, в котором говорится об этом главном действе. Горбовский вообще удивительный мастер такой поэзии. Простыми, можно сказать даже скупыми средствами он способен передать высшую правду, сокровенную тайну мира и человека:

Не комедия, не драма —
просто ночью иногда
заколоченного храма
скрипнут ржавые врата...
Свет лампад сочится в щели,
хор: «Спаси и сохрани...»
И выходит в мир священник,
убиенный в оны дни.
Крестным знаменьем широким
осенит поля с холма
и блуждает, одинокий,
словно выжил из ума.
Архаичен в мире новом,
глядит в сторону небес —
и на храме безголовом
воссияет звёздный крест.
Поп идёт легко и прямо,
словно видит Божьи сны...
Не комедия, не драма,
просто — ночь. Моей страны...¹⁹

¹⁹ Горбовский Г.

В 2004 году поэт и критик Геннадий Красников в статье «Колера морбус» писал: «Минувшее двадцатилетие оставило после себя доселе неведомое миру бесславное историческое пространство с миллионами крестов над бедными холмиками отчей земли. Не васнецовское ратное поле «После побоища», где лежат русские богатыри, павшие в открытой схватке с врагом явным, видимым, но безобразное страшное поле, засасывающее человеческие жизни в бессмысленную пустоту «несбывшегося», в большинстве своем жизни самых обездоленных, самых незащищенных людей, среди которых старики и старухи, больные и просто сломавшиеся от безысходности «лишние люди»... Этот беспрерывно пополняющийся мартиролог когда-нибудь будет поименно предъявлен на последнем суде всем тем, кто в очередной раз с дьявольским большевистским упоением, под неутомимое остроумие мастаков веселого жанра устроил новую русскую Голгофу...»²⁰ В этом же году из-под его пера рождаются следующие строчки:

Земную жизнь пройдя до половины,
я оказался... неизвестно где.
Вокруг меня былой страны руины,
чужая речь, чужие образины,
где я, как будто пасынок чужбины,
тону в летеиской сумрачной воде.²¹

«Чужбина» оказывается не Третьим Римом, не Святой Русью, не Новым Иерусалимом, а Новым Вавилоном, в котором теперь приходится жить и «петь» поэту:

Сволочь всякая на троне и в короне
всё гребет и пересчитывает башли,
словно в зоне, водят нас в одной колонне
на строительство всемирной адской башни!
Ох, и трудно быть поэтом в Вавилоне.

²⁰ Красников Г. Колера морбус // Красников Г. В минуты роковые. М., 2011. С. 260.

²¹ Красников Г. Кто с любовью придёт... М., 2005. С. 24.

Пир веселый правят Бендер с Аль Капоне,
а на свалке, где пируют бомж и птицы,
встретишь с родины ворону... и вороне
будешь рад... И как же тут не прослезиться!..
Ох, и трудно быть поэтом в Вавилоне.²²

Такую же сердечную боль испытывает и такой же тяжкий труд свершает поэт Юрий Кублановский. В своих стихах он дает глубокий духовно-поэтический, историсофский анализ России постсоветской. Вообще, тема Родины, Родной земли, России, Руси — одна из доминантных в поэтическом мире Ю. Кублановского. Это, можно сказать, лейтмотив его творчества, его книг — от первой до последней. Любовь нелицемерная к своему Отечеству засвидетельствована и тем, что Ю. Кублановский первым из писателей-эмигрантов вернулся на родину, как только стало возможно возвращение, чтобы разделить судьбу со своей многострадальной землей:

Под снегом тусклым, скудным
первопрестольный град.
Днём подступившим судным
чреват его распад.
На тёмной отсыревшей
толпе, с рабочих мест
вдруг снявшийся, нездешний
уже заметен крест.²³

Стихи написаны в 1990 году. В этом же году поэт начинает возносить свою молитву за погибающее отечество:

Всевышний, прости наши долги.
Прощаем и мы должникам.
— в верховьях отравленной Волги
клубящимся облакам.

²² Там же. С. 19.

²³ Кублановский Ю. В световом году. М., 2003. С. 9.

Скудны по-евангельски брашна
и тленна скудельная нить.
Как стало таинственно, страшно
и, в общем, невесело жить.

Усопшие взяты измором,
кто водкой, кто общей бедой.
Хлам старых венков за забором,
пропитанный снежной водой:
воск роз, посеревший от ветра,
унылый слежавшийся сор
— как будто распахнуты недра
отечества всем на позор.²⁴

Образы умирающей и даже уже умершей России в стихах Ю. Кублановского встречаются неоднократно. То, что уходит в прошлое, исчезает тяжелое наследие советского периода, сожаления не вызывает у поэта, но находясь «в гаснущей ойкумене/гибнущего совдепа»²⁵, он видит дальнейшую перспективу: «...перед вторым потопом/ныне жезлом железным/чую, гонимы скопом/в новый эон над бездной»²⁶. И уже слышится страшное карканье воронья: «И с веток снесённое/хрипло/шумит вразнобой вороньё:/погибла Россия, погибла./А всё остальное — враньё»²⁷. А вот уже не воронье, а сам автор робко и скорбно произносит: «И сразу же стал на догадку скупее:/сродни ли — сказать не берусь — /неровно мерцающей Кассиопее/покойная матушка Русь»²⁸. Здесь образ многозначен. Это и подъем в небеса, к звездам — вознесение души покойной Руси. Образ трагичный, но светлый. Но возможно и иное понимание. Как неровный мерцающий свет звезд

²⁴ Там же. С. 13.

²⁵ Там же. С. 23

²⁶ Там же. С. 24

²⁷ Там же. С. 89.

²⁸ Там же. С. 213.

на небе не освещает и не греет земли, так теперь и Россия, хотя и видна еще, но уже не освещает и не греет.

Автор-герой живет «в пору богомерзкую, ближе к умирающую», и «в целом тишина окрест прямо погребальная, / в общем идеальная пожива для молвы. / Только где-то слышится перестрелка дальняя / кем-то потревоженной солнцевской братвы»²⁹. Конкретная примета места и времени — «солнцевская братва», хотя порой и не ясно, «... где — в банановой республике / или в империи, как прежде?»³⁰, находится герой, вопрошающий сам себя, но ясно, что «... на родине Авеля / снова убитого мы»³¹ и что «... в нашем отечестве тварном / всё криминогеннее ад»³². «Братва» — и не только солнцевская — чувствует себя как рыба в воде в «гражданской смуте бесноватой»³³, которую сами и учинили, перекрасив «русский барак — в бардак»³⁴. Родину распяли и делят ее ризы: «Наши ли мужики, / пьяные черемисы, / псы ли в блевотине / не поделили ризы / распятой родины»³⁵.

А вообще-то, официально все это называется временем обретения демократии. Ю. Кублановский, как летописец, дает точный портрет этого времени — середины 90-х:

В столичных шалманах времён демократии
гужется много сомнительной братии,
чьё рыльце в пушку и в кармане зелёные.
Но прочих нелепее мы — опалённые
своими надеждами, будто конфорками
тех кухонь, куда пробирались задворками.

²⁹ Там же. С. 144.

³⁰ Там же. С. 107.

³¹ Там же. С. 75.

³² Там же. С. 21.

³³ Там же. С. 25.

³⁴ Там же. С. 73.

³⁵ Там же. С. 72.

Над хвоей куничьей с алмазною крупкою,
где Коба, зверея, попыхивал трубкою
и где величаво при всем слабоумии
по праздникам гыкали-квакали мумии.
Днесь слишком заметно мельканье бесстыжего
под прежними звёздами Толика рыжего,
с которым грозит нам за годы немногие
стать новым открытием в антропологии.
В своих новоделах развесив теперича
убойные ряшки Петра Алексеича,
Россия ложится, и флот заодно,
вся запеленгованная — на дно.³⁶

В России произошла реализация народной поговорки:
«За что боролись — на то и напоролись». Ю. Кублановский
как никто другой осознаёт такое положение вещей:

Мотыльки, летевшие на свечу,
обожглись, запутались, напоролись.
Вот и нам сегодня не по плечу
рядовой вопросец «за что боролись?»
Я и сам когда-то бежал — на круг
возвратясь, едва занялась полоска.
Но нашёл Россию в руках хапуг
и непросыхавшего отморозка.³⁷

Но что удивительно: от совершенно безрадостной, можно ска-
зать, от безысходной картины в целом не возникает чувства пол-
ного отчаяния. Что-то удерживает от него. Что-то и Кто-то... Есть
свет, и тьма не объяла его. Поэт знает и чувствует сродненность
со своей землей не только по крови — нет, есть более крепкая
связь, так как она высшая и проистекает она как раз из Источни-
ка света: «с землёй обескровленной нашей/со льдом иссякающих

³⁶ Там же. С. 105.

³⁷ Там же. С. 262.

рек/мы связаны общею чашей/и общей просфорой на век»³⁸. Благословенна русская земля, святая земля, потому что (снова вспомним Ф. Тютчева) ее всю «Царь Небесный исходил благословляя». Горний свет Царя Небесного освещает и согревает сокровенную сердца Россию:

...Когда в приделе полутёмном
вдруг поднял батюшка седой
казавшееся неподъёмным
Евангелье над головой,
мне вдруг припомнился витии
ядоточивого навет:
заёмный, мол, из Византии
фаворский ваш и горний свет.
Пока, однако, клён и ясень
пылают тут со всех сторон
в соседстве сосен,
источник ясен,
откуда он.³⁹

А посему, поэт предлагает нам простую и в то же время сложную программу-минимум и она же максимум: «Хорошие логопеды/должны языки нам вправить,/чтоб стало, зашив торпеды,/чем русского Бога славить»⁴⁰.

М. Назаров в книге «Тайна России» писал: «В XX веке Россия распята, но не побеждена духовно. Русский народ с безмерным терпением перенес от мира такие испытания, какие ни один европейский народ не выдержал бы. ... После векового атеизма эти страдания и терпение, конечно, далеко не всеми осознаются религиозно, но совесть и обычаи народа все же во многом сохранили христианскую основу»⁴¹. Русский народ, родившийся

³⁸ Там же. С. 15.

³⁹ Там же. С. 256.

⁴⁰ Там же. С. 206.

⁴¹ Назаров М. Тайна России. М., 1999. С. 551.

в крещальной купели, русское сознание, сформированное православной верой, оказались способны «перемолоть», превратить любое иноприродное явление, навязанное чуждыми русскому духу деятелями. По крайней мере, так было до сегодняшнего дня. Что будет дальше, кто победит: Новый Иерусалим или Новый Вавилон, зависит от промысла Божьего и от нашей готовности его исполнить.